

О возрождении слова "доброхот"

Любовь Цуй,

Елена Бекетова,

Ирина Озерская,
учащиеся 11«Б» класса
лицея № 1535 Москвы

Вновь возродившееся в конце XX столетия слово *доброхот* до сих пор таит в себе множество вопросов, ответы на которые мы попытались найти. В основном это сплошные «почему»: например, почему само это слово, будучи известным А.С. Пушкину, ни разу не встречается во всём его творческом наследии, почему С.С. Гейченко назвал паломников в Михайловское именно *доброхотами*. Обратившись вместе с нашим научным руководителем С.Л. Ивановым к данным текстов и словарей, мы попробовали осветить некоторые проблемы, однако в большинстве случаев нам приходится говорить о наших разысканиях лишь как о гипотезах, пока ещё не нашедших фактического и хронологического подтверждения.

В целом же история этого слова уникальна, и прежде всего потому, что на фоне других сложных слов это единственное существительное, имеющее в своём составе отглагольный корень *-хот-* (*хотеть*). Первая же часть слова — *добро* — такая же, как у слов *доброволец*, *доброжелатель*, устаревших *добролюб*, *доброправ*, *добродом* и других, сохранившихся в современном русском языке только в составе фамилий (*Добролюбов*, *Доброправов*, *Добродомов*). Возможно, именно эта уникальность предопределила длительную судьбу слова в языке.

О возрасте этого слова можно судить по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 4. М., 1977), где слово *доброхот* толкуется как «доброжелатель, сторонник» и иллюстрируется примерами из древних текстов, датирующихся XV–XVI вв. Впервые это слово встречается в Псковской летописи, повествующей о доброжелателе, пришедшем к псковским посадникам с благой вестью и с благими намерениями: «И пришедше доброхотъ изъ Зарубежья Чюдинь...» (Псковская летопись, 1463 г.).

Другие примеры, приводимые в этой словарной статье, характеризуют слово *доброхот* как широко употребительное, поскольку оно отмечено даже в «Памятниках дипломатических отношений Московского государства с Англиею» (1581–1604 гг.).

К XVI–XVIII вв. относятся тексты, в которых встречаются прилагательное *доброхотный* («доброжелательный, радушный») и синонимичные ему причастия *доброхотящий*, *доброхотимый*, отвлечённые существительные *доброхотьные* и *доброхотство* («доброжелательство»), глаголы *доброхотати* («желать добра кому-нибудь, действовать в чью-либо пользу») и *доброхотствовать* («проявлять доброжелательность к кому-либо, действовать в чью-либо пользу»).

В XVIII в. у слова *доброхот* появляются женские эквиваленты *доброхотка* и *доброхотница*, а от прилагательного *доброхотный* образуется наречие *доброхотно* — все эти слова отмечены в «Словаре русского языка XVIII в.» (Вып. 6. Л., 1991). Само же слово *доброхот* тоже претерпевает некоторые семантические изменения: в данном словаре оно представлено уже как многозначное. Его основным значением остаётся «доброжелатель, благожелатель» (в качестве одной из иллюстраций приводится пример из басни М.Н. Муравьёва: «Стоит пёс у ворот; А пёс лисъ не доброхот») и появляется переносное «охотник до чего-либо» (например, в пословицах: «Была бы охота, найдёшь доброхота»).

Тот факт, что слово закрепилось в пословице, свидетельствует о его достаточно широком употреблении, по крайней мере, в народной среде. Поэтому очень ценны данные, представленные в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля. Значение слова *доброхот* Даль определяет следующим образом: «доброжелатель, радетель, радушник»¹ и приводит ещё одну пословицу, отражающую судьбу этого слова:

¹
Толкование слова *доброхот*
приводится в составе
словарной статьи *Добро*.

«С доброхотом всякому в охоту».

Вместе с тем бросается в глаза одна деталь: поскольку в словаре Даля всё построено по «гнездовому» принципу (то есть все однокоренные слова представлены в одной словарной статье) и в заглавие статьи вынесено основное слово (производящая основа), то можно было бы ожидать, что и данная словарная статья будет начинаться словом *доброхот*, однако ему предшествует прилагательное *доброхотный*. Возможно, это обусловлено тем, что слово *доброхотный* было в то время более употребительно, нежели существительное *доброхот*, по крайней мере, в литературном языке, о чём, кстати, пишет и Даль, приводя в пример сложившееся в литературе словосочетание *доброхотный читатель*: «*встарь* в предисловиях обращались к *доброхотному читателю*». А на то, что это словосочетание с этим словом устарело, лексикограф указывает при помощи не только слова *встарь*, но и пометы *ныне*, сопровождающей толкование самого прилагательного: «*Доброхотный*, доброжелательный, что *ныне* благосклонный».

Таким образом, слово *доброхот*, получившее в языке разговорную окраску (о чём свидетельствуют приведённые выше пословицы и развитие у этого слова переносного значения «охотник до чего-либо»), уступило в литературной речи «пальму первенства» книжному слову *доброжелатель*, а прилагательное *доброхотный* — словам *доброжелательный* и *благосклонный*. Вероятно, поэтому в художественных произведениях XIX–XX вв. эти слова встречаются достаточно редко (разговорная окраска не позволяла им закрепиться в языке художественной литературы). Вместе с тем отдельные случаи употребления свидетельствуют о том, что слово *доброхот* и его однокоренные слова в то время были хорошо знакомы русским писателям.

Если говорить о пушкинской эпохе, то слово *доброхот* встречается у поэтов, причём часто в составе обращений:

Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моление.

К.И. Батюшков. Послание к Т<ургене>ву

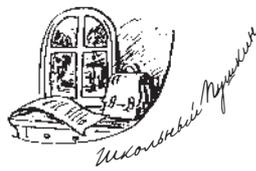
Тебе, мой явный доброхот,
Стакан стихов: На, пей! Что было,
Того нельзя же воротить!

Н.М. Языков. М.П. Погодину

А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!

Е.А. Баратынский. Я возвращуся к вам, поля моих отцов

Но в то же время в творчестве самого А.С. Пушкина, судя по данным «Словаря языка Пушкина» (Изд. 2. В 4 т. М., 2000), само слово *доброхот* не встречается, зато фигурируют однокоренные слова *доброхотный*, *доброхотство* и *недоброхотство*. Избегая устаревшего обращения к *доброхотному читателю*, Пушкин всё-таки использует прилагательное *доброхотный*, но вводит его в текст поэмы «Анджело» (часть I, строфа 7, стих 81) в составе словосочетания *малый доброхотный* (по аналогии с выражениями *добрый малый*, *неплохой малый*), что лишним раз подчёркивает разговорный характер этого слова:

*Навстречу друге ему
Попался Лурно, гуляка беззаботный,
Повеса, вздорный враль, но малый доброхотный.*

Другие два слова употреблены в стилистически более нейтральном контексте, нежели прилагательное **доброхотный**: существительное **доброхотство** Пушкин использует в стихотворении «На Воронцова» («Сказали раз царю...»), где в качестве его контекстуального синонима выступает слово **благородство**:

*Пристойно ли, скажите, сфоржка
Ругаться нам на жертвой нахака?
Сам государь такого доброхотства
Не даютея улыбок награды
Лестуки, лестуки! Старайтесь сохранишь
И в подлости остатки благородства.*

И точно такое же соотношение двух слов, построенное на синонимической связи, но теперь уже представленное в виде противопоставления **недоброхотство** — **благородство**, мы находим в романе «Евгений Онегин» (глава IV, строфа 18, строка 6):

*Не в первый раз он тут явил
Души преданное благородство,
Лютый злодей недоброхотство
В нем не гуадило никого.*

Под словом **недоброхотство** поэт имеет в виду «недоброжелательность, недоброжелательное отношение», однако он явно отдаёт предпочтение слову **благородство**, используя его для характеристики своего героя (в то время как первое характеризует народ, толпу, да и к тому же употреблено с приставкой **не**).

Однако разговорный характер слова **доброхот** и его однокоренных слов, возможно, не единственная причина того, что они редко встречаются в творчестве Пушкина, а само существительное **доброхот** не используется вообще. Судя по данным энциклопедического словаря М. Власова «Русские суеверия» (СПб., 2000), это слово в русской народной речи стало употребляться как иносказательное обозначение чёрта, дьявола, о чём опять-таки свидетельствуют пословицы: «А кто с ним еживётся, с доброхотом?» (в Калужской области); «Доброхот тебя возьми!» (в Орловской области). По-видимому, перед нами примеры, отражающие дальнейшее развитие переносного значения «охотник до чего-либо», происшедшее на устной народной почве. *Если предположить, что это негативное значение появилось ещё до XIX в. и было известно Пушкину, то можно было бы объяснить причину его отсутствия во всём творческом наследии писателя.*

Во второй половине XX столетия в истории слова **доброхот** начинается новый виток, связанный с развитием у него значения «доброволец». Сначала оно употреблялось в проничных контекстах, где речь шла о «тех, кто добровольно, по собственному желанию участвовал в чём-либо», как, например, в произведении К. Симонова «Солдатами не рождаются»: «Синцов недоверчиво покосился на адъютанта батальона: допрашивать пленных всегда находятся доброхоты, считающие, что они знают немецкий».

Но впоследствии иронический оттенок исчезает, и слово **доброхот** закрепляется в словарях как многозначное. Впервые это значение отмечено было в «Словаре русского

языка» С.И. Ожегова: «Доброволец; тот, кто добровольно взял на себя какую-то работу». Хотя стилистическая помета «устаревшее» до сих пор сопровождает толкование всего слова. Возможно, новое значение появилось также под влиянием прилагательного *доброхотный*, вошедшего к середине XX в. в широкий речевой обиход в составе словосочетания *доброхотное пожертвование* и закрепившегося в языке в следующем значении: «Доброхотный (устар.). Добровольный, совершаемый по собственному желанию. *Доброхотное пожертвование*» (Словарь Ожегова).

Вероятно, это и подтолкнуло С.С. Гейченко назвать *доброхотами* добровольцев-пушкинистов, то есть тех помощников Пушкинского заповедника, которые добровольно, по собственному желанию, стремятся совершать благородные, добрые поступки. Прекрасный знаток русского языка, истинный ценитель слова, Гейченко в поисках определения, наиболее точно отражающего возникшее явление, даже обратился к словотворчеству, назвав добровольцев-пушкинистов *добродеями*: «Честь и хвала всем добродеям, доброхотам, добрым друзьям нашего заповедного музея!» Но отдал всё же предпочтение слову *доброхот*: «Мы их называем «доброхотами», выражаясь этим старинным русским словом, которое Даль в своём словаре разъясняет как выражение покровительства, радушной заботы, усердного содействия благому делу».

Поскольку это значение прижилось и даже сформировалось молодёжное движение доброхотов, то уже можно говорить о появлении нового языкового значения слова *доброхот*. И хотя сейчас это слово в значении «доброволец» имеет ограниченную сферу употребления, хочется надеяться на то, что в скором времени оно станет широко употребительным, перестанет восприниматься как устаревшее, «лексически трудное» и будет представлено в словарях на законных основаниях.

Из Ефремовых записей Пушкина ...

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василья Тредьяковского: вечный труженик! Какой взгляд! Какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?